

Великой Победе 65. Мне был предопределен крематорий...

Опубликовано пн, 23/08/2010 - 04:26 пользователем Гость (не проверено)

– Лежала я в больнице, медсестра делает капельницу и, увидев концлагерное клеймо на моей руке, с улыбкой спрашивает: «Ошибки молодости? –

Надежда Михайловна Переверзина – бывшая узница Освенцима, в раннем детстве перенёсшая кошмар фашистского концлагеря и выжившая наперекор обстоятельствам, живёт в Снежинске. Несмотря на суровые жизненные испытания, она в свои 74 года сумела сохранить чувство юмора, оптимизм и добрейший характер. Лишь обостренное чувство справедливости тревожит её обидой и непониманием того, почему её пенсия так незаслуженно мала...

Мне немного совестно расспрашивать её о пережитом, я вижу, как нелегко ей вспоминать тот страшный период своей жизни. Но делать это нужно для того, чтобы родившиеся в послевоенные годы знали, что пришлось пережить старшему поколению в годы Великой Отечественной войны. Видя мое смущение, Надежда Михайловна, словно подбадривая меня, начала рассказывать: «Лежала я в больнице, медсестра делает капельницу и, увидев концлагерное клеймо на моей руке, с улыбкой спрашивает: «Ошибки молодости?». Она даже не догадывается, что это за ошибки и чьи они...». Я не задаю вопросов, они просто неуместны. Рассказ часто прерывается, горло перехватывает, вот-вот готовы пролиться слезы, но Надежда Михайловна справляется с ними и продолжает свое повествование.

«Я по национальности белоруска. Мы жили в 50-ти километрах от Витебска, в деревне Стыреки. В ней было 14 домов. Оттуда и попала в концлагерь. Детей в нашей семье было четверо: брат, две сестры и я пятилетняя – самая младшая была.

Когда немцы пришли в деревню, то все дома сожгли. Многих жителей выгнали в лес, выстроили на дорожке и расстреляли. Тех, кто остался в живых, а таких было мало, на транспорте отвезли в Витебск. Кого-то после сверки информации отпустили, кого-то отправили в лагерь. Наша мама была очень честная, и, когда её спросили о том, где её муж, она ответила, что он в партизанах. А раз мы партизанская семья, значит – враги. Только потом сообразили, что лучше было бы сказать, что глава семьи в армии, но было уже поздно. Маму вместе с другими дважды уводили в лес на расстрел, при этом нас детей ставили там же, чтобы мы видели, как убивают наших родителей, но потом, поиздевавшись, их оставляли в живых. Из Витебска всю нашу семью – детей, маму и бабушку (мамину маму) вместе с другими пленными на машинах отправили в Освенцим.

Распределили на житье в длинных бараках. Там мы сначала жили вместе с родителями, спали на трехъярусных нарах. Наша бабушка была из богатой семьи и привыкла хорошо питаться. От несоленой несъедобной баланды, которой нас кормили в лагере, у нее начались проблемы с кишечником. А в лагере было строгое правило: после отбоя ходить, общаться, разговаривать запрещалось, с трехъярусных нар слезать нельзя. Проверяющие ночью ходили и смотрели, если видели, что у человека глаза открыты, то его строго наказывали ремнем. Наша бабуля, не выдержав, пошла в туалет, вернее к большой параше, ее заметили и сильно избили. А когда утром мы вернулись с «опеля» (проверка на плацу) – бабушки уже не было, мы её лишились.

Эсэсовцы четко выполняли изложенные в инструкции обязанности, то есть не церемонились с нами и обращались как с врагами Германии. У них было право избивать, убивать и вести себя так, чтобы заключенные боялись даже их взгляда. Всех заключенных, которые выходили из строя от побоев, голода и непосильного труда, расстреливали, вешали, сжигали на кострах или уничтожали в газовых камерах крематория.

Каждое утро нас выводили из бараков и строили строем по 5 человек в колонну. И так стояли мы по несколько часов в ожидании пока всех проверят. Было холодно, я прижималась к матери. Одеты все были в жесткие робы с коротким рукавом. «Опели», штудирование, побои: не так глянул, не так прошёл, не сделал реверанс проходящему вдоль строя эсэсовцу (стоя на плацу, поклониться, ногу отставить). Там же была переключка по штабам – отрядам, помещениям, где жили. На «опеле» проходило штудирование по команде: лечь, встать, лечь, встать... И так до умопомрачения. Кто не встал – то сразу получал пулю и всё... – в крематорий. Про это место уже все знали. Когда мы стояли на «опеле», то крематорий всё время дымился, дымился, дымился...

В Освенциме первое время взрослые и дети содержались вместе, затем детей отняли от матерей для расформирования по разным лагерям. Отбор детей шёл по системе «каждый пятый»: здоровых и крепких отделяли от больных, тех, кто чем-то не нравился, вместе с больными отправляли в крематорий. Здоровых детей направляли в душ, затем выдавали им одежду – это уже была рабочая сила. У меня на тот момент повысилась температура, и я чуть не погибла, но, видно, счастье выпало. Мне был предопределён крематорий, но волей судьбы я оказалась в другой половине. Спас меня брат. Он пошёл к тем, кто выдавал одежду. Мальчишка – есть мальчишка, взял одежду под мышку и принес мне такое красивое розовое платьишко с кармашком и вышивкой (до сих пор с восторгом вспоминает), и меня пропустили к здоровым детям, так я осталась жива.

Вскоре нас опять разделили: 14-летнего брата и старшую сестру угнали в другие места (мы о них ничего не знали), а мы, две младшие 5-ти и 8-ми лет, остались вдвоем. Из нас растили рабов, приучая к новым условиям жизни, внушали, что надо во всем подчиняться немцам. И мы научились – ведь если не сделаешь реверанс, тебя розгами с резиновыми насадками накажут. Меня, правда, никогда не били: дисциплинированная, наверное, была.

Из Освенцима нас переправили в другой польский лагерь. Здесь спали на полу на матрасах, набитых соломой. На ночь мы их расправляли, днём мы не имели права на них садиться, для этого были скамейки. Кормили два раза в день несолёной баландой из крапивы, каждый имел свою тарелку. Если кто-то отказывался эту «пищу» есть, то его наказывали: ставили на колени, били. Хлеба мы не видели, хотя какая-то пайка нам все-таки полагалась. Был случай: один паренёк залез в кладовку, взял несколько буханок хлеба и раздал понемножку заключенным детям, за это его сильно избили.

Потом был еще один лагерь, название которого я не запомнила. После него нас отправили в Литцманштадт, где мы неожиданно встретились с братом. В Литцманштадт-гетто нацисты

после оккупации Польши переименовали город Лодзь. Это было первое еврейское гетто, организованное немцами на польских территориях, возникшее еще до того, как появилась трагически известная «фабрика смерти» – Аушвиц (Освенцим).

Когда мы туда приехали, то всех сначала запустили в яму-бассейн площадью около ста кв. м., заполненную очень сильно хлорированной водой, и долго нас оттуда не выпускали. Вымачивали, обеззараживали... Жили в длинном-длинном здании. Кровати стояли в три яруса. Я спала на третьем. Одевали в жесткие робы и сарафаны, но одежда была светло-серая и чистая. Здесь нам начали давать образование – учить немецкому языку и письму на белых листочках – прививали культуру, к чему-то готовили. В баню водили, белье меняли. Дисциплину соблюдали строго: ты должен был всегда примечать, кто идет, встать, сделать реверанс, а за провинность полагалось наказание палочками. Фюрер СС был страшный человек. Когда всех строили, и он шёл с проверкой, то знали: кому-то что-то будет. Кормили баландой из варёной картофельной кожуры и крапивы. Ночью ходить в туалет запрещалось, если попадались, то наказывали (положат на скамью и бьют).

Здесь же появилась старшая сестра, откуда её пригнали – не говорила. Лагерь есть лагерь, там не принято было что-то обсуждать. И хотя ей очень досталось, у нее была сильно разбита голова, мы были рады – жива осталась, и слава Богу. Вскоре мы её опять потеряли. Уже после войны, когда встретились, узнали, что её тогда отдали в рабство в семью, где она батрачила на огороде, прибиралась в доме. И брата затем куда-то угнали.

Когда наши войска стали подступать к лагерю, и стали слышны выстрелы, мы уже знали, что нас скоро освободят. Лагерь был заминирован, и местные немецкие власти хотели его взорвать, но комендант лагеря запретил это делать. Нас решили всех отравить, уже и обед приготовили, но русские, которые трудились на кухне, вылили отравленную пищу и приготовили такую же, но без яда. Пока шли бои, по распоряжению коменданта лагеря нас вывели за территорию – в овраги, где мы жили две недели, спали на земле. Когда наши войска освободили территорию лагеря, а лагерь разминировали, нас вернули обратно. Комендант сдался в плен советским войскам.

После окончания войны лагерь расформировали и всех повезли в разные места. Мы с сестрой попали в детдом в Саратовской области, где жили дети-беспризорники, которые к нам очень плохо относились, как к немцам.

Как мы воссоединились после войны? Мама перед расставанием нам сказала: «Кто выживет – все в дом». Вот мы и возвращались, кто, когда смог, все в разное время. Наша мама была в Освенциме до самого конца войны. Потом приехала домой. Отец погиб в первые дни войны в партизанском лагере. Старшая сестра после освобождения из польского плена вернулась в Белоруссию раньше нас. Мы с сестрой до 1947 года были в детдоме. Сестра, к счастью, запомнила домашний адрес, и мы с помощью воспитателей смогли разыскать нашу маму.

В лагерях из нашей деревни оказались две семьи. Из второй семьи в Германию угнали семь сыновей, они возвращались домой в разное время, были инвалидами. Никто никогда ничего не рассказывал.

Мы долго жили в землянке, мать и сестра работали в колхозе, коровы у нас не было, летом ели щавель, ловили в речке маленьких окуньков, зимой перебивались, как могли... Но были счастливы, что снова вместе и дома...

Г.А. Кочанова

Справка:

В лагере Освенцим всё было рассчитано на то, чтобы заключенные в нём погибали, поэтому больше 1-3 месяцев никто из заключенных на работе не выдерживал.

Через газовые камеры Освенцима в месяц проходило по 150 тысяч узников. А крематории и костры, горевшие день и ночь, сжигали в месяц 270 тысяч трупов.

Категория:

[Краеведение](#) ^[1]

Source URL: <http://mmc.vega-int.ru:8080/news/velikoy-pobede-65-mne-byi-predopredelen-krematoriy>

Ссылки

[1] <http://mmc.vega-int.ru:8080/mmc/kraevedenie>